

Из прошлого Художественного театра. Сцена II акта пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». На фото: К. О. Станиславский в роли Астрова и М. П. Липина в роли Софьи.

МОЛОДОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Н. ТЕЛЕШЕВ

В СВОЕЙ знаменитой книге «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславский рассказывает историю возникновения Художественного театра, писал:

«Мы протестовали против старой манеры игры, в против театральности, в против ложного пафоса, декламации, в против актерского пафоса, в против дурных условностей постановки, декораций, в против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, и против ничтожного репертуара тогдашних театров. В своем разрушительном, революционном стремлении ради обновления искусства мы объявляли войну всякой условности в театре, в чем бы она ни проявлялась: в игре, в постановке, декорациях, костюмах, трактовке пьес и прочее».

Коллектив молодого театра сложился из двух групп — группы Общества искусства и литературы во главе с К. С. Станиславским и группы артистов усадьбы Филармония во главе с Ва. П. Немировичем-Данченко. Среди первых были опытные «любители», более известные для публики по спектаклям в «Общественном клубе»: — учитель, чистописания Артем, инженер Бурдальков, певчий Александров, Лужский, Липина, Самарова и другие. Среди вторых — только-что окончившая драматическое курсы молодость: Книшпер, Савицкая, Россинова, Мейерхольд, Мошвина, Кошечкина. В труппу были

также приглашены Витвицкий, Дарский, Грибунина, Раевская, Адашев. Из одного громкого, заманчивого для Москвы имени не было в труппе. По словам вышесказанных театралов, все они были «иксы, игреки и атаки вопроса». Но энтузиасты того дела шли напролом и верили в свои еще немощные силы.

Станиславский и Немирович-Данченко хотели создать «народный театр», но репертуар такого театра был безобразно ограничен цензурой, и тогда решили назвать театр «недоступным», что давало значительно больший простор. В городскую думу была подана обстоятельная докладная записка с предложением обновить городской театр с художественным репертуаром и общедоступными ценам на места.

Докладная записка произвела отрицательное впечатление на городскую управу и не была даже рассмотрена душой. Тогда решено было начать театр на частные средства.

С 15 июня 1898 года начались утренние и вечерние репетиции пьесы «Царь Федор Иоаннович» в подмосковном Пушкине, в сарае, обнесенном наскоро в «театр». К осени перебрался в Москву, в шукшинский «Бригитаж», где было еще грязно и неуютно. Поселку чистота, уборка, мыла, краски, клеенки, в на сцене в поставленных уже декорациях художника Симова репетировали полным ходом.

Наконец наступила знаменательная ночь 14 октября 1898 г. По городу раскатывали афиши. На козле афиши: «Вяжаты все продукты». Взявшие у всех испонусево».

«Все мы, участники дела, отлично понимали, что наше будущее наша судьба ставилась на карту Липина и в этот вечер промелькнула в памяти искусства, или они выплывают перед нашим носом», — вспоминал К. С. Станиславский.

— Я волновался до неиррациональности, и Лужский в своем дневнике. — А это разве не колоссаль-

но, переживания, переживания с ноги на ногу и подергивание цепи при гуде у Шухова-Мейерхольда? А Москва — бедный под грязью, пробирающийся на кулис слушать увертюру, которую уже заиграет оркестр? А пляшущий Константин Сергеевич под вырвавшиеся неселые звуки увертюры? А Владимир Иванович во фраке и белом галстуке, остановившийся с вагнеровским лицом и чуть выгнувшим глазом? А утренние платком Вишневого, его хватание то за голову, то за тюрбан, то за кушак? А Дарский? У него самые первые слова в пьесе: «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я». Перед выходом он повторил эту фразу на все лады, то выделяя «да, да», то «бояре», то «дело», то «крепко» — и все это его не удовлетворяло.

И вот — впервые расплылись афиши Художественного театра. Раздался первый, аступительный слух Дарского «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я». Это были слова, в которые всем хотелось тогда войти, которые кавались Пророковским...

Молодой артист Москвы, еще вчера никому неизвестный, сделался вдруг в один вечер почти знаменитостью, научившись тонкостью своего исполнения даже знающих театралов, выдавших имя Незабываемую фигуру Годунова дал Вишневым.

На другой день после первого спектакля, ноября 20 исполнился, все видные критики описали на том, что артисты мало известные и вовсе неизвестные были на высоте положения. Многие удивлялись, где театр мог достать всю эту шумиху, так неуместно на театральные костюмы и словно изумные на отрывистых сундуках.

Спектакль захватил публику. Ее удивляло и восхищало все — и постановка, и пьеса, никогда не слышавшая до сего времени, и оформление. Особенно народные сцены Пророковским впечатлением чего-то кол-

дажного. Неожиданные имена артистов запомнились, произносились с литературом и похвалой. Успех был несомненный, «полный и огромный», и театр с этой ночи вошел в художественную жизнь Москвы как неотъемлемая составная часть этой жизни.

У Художественного театра стало много сторонников, но было немало и недоброжелателей и шептунов, которые говорили: «Ну, да, богатейшие костюмы, блестящая бутфоприя, оригинальные аффекты массовых сцен о их шумом и басом — все это ударило публике в глаза. А вот сыграйте-ка что-нибудь попроче «Федора», будничное, в обыкновенных сортуках, с обыкновенными словами, посмотрим, что от нас останется».

Через два месяца театр показал чеховскую «Чайку», скандально провалившись перед зам на петербургской сцене. Этот спектакль был как бы отъемом недоброжелателям такого глубоко правдивого в тонкого художественного исполнения Москва еще не видела. Победа была полная, потрясающая, восторженная. Но недоброжелатели не сдавались. Они выслушивали все частые паузы и непривычные для их слуха шумы и звуки, составлявшие невидимое и слышимое, что является настоящим.

Помню памфлетов в стихах и прозе, потешивших всеящихся москвичей, ту их часть, которой все равно, над чем бы ни хохотать, шептунки, наконец, пригодили к делу, чтобы водорвать материальное положение молодого театра. Театр сыпал пьесу Гюльневел; сданы декорации и костюмы, написана заманчивая музыка, приглашен оркестр, понаехали огромные расходы — и вдруг, накануне генеральной репетиции, заперенные. Что случилось? Пьеса шла ранее в «Общественном клубе» по тому же тексту, под руководством того же Станиславского, и никаких придрок не было ни с чьей стороны. Оказавшись, митро-

полит Владимир получил письмо о том, что в маленькой пьесе в Художественном театре «поиски роскоши блеска и аффектов выставляли плясать». О этом безграмотным подметным письмом в руках митрополита потребовал от генерал-губернатора неопущения кондуктивной пьесы. Напрямом Станиславский и Немирович-Данченко доказывали митрополиту всю зазорность доноса Пьесу заперли!

С огромным увлечением Художественный театр начинает работать над «Снегурочкой» Островского. Он командирует художника Симова на Крайний Север для зарисовки и изучения быта, и тот привозит оттуда подлинных народных одежды, уборы, материи, виды, портреты, зарисовки птиц.

— Театр ударился в фантастику — вопиала скитлика. Но театр недово прориталом пошел дальше. Он привлек в ближайшему участку А. М. Горького, ставлющийся в то время «слабым дум», Горький дает театру две свои пьесы, одну на другую — «Мещанин» и «На дне».

В 1902 году театр перешел из «Бригитаж» в Каретном ряду в новое помещение, где находится и в настоящее время. Из перилничного кафе-палатки о претеплеи на культурную роскошь академиком Шехтелем был начисто изгнан дух неполиции и разгула. На сером занавесе появился эллиновидный летящая над волнами белая чайка — эмблема театра.

В декабре того же года на этой новой сцене появилась Горький со своей знаменитой пьесой «На дне», имевшей бурный, колоссальный успех и огромное общественное впечатление. Горький был неравнодушным к искусству новых направлений. Он становился писателем, наиболее популярным у нового поколения и той его части, которая чувствовала приближение бури и несла в своей душе отзвуки и дерзость, необходимые для борьбы.